

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11-112.2

Дата поступления: 24.11.2023
рецензирования: 23.12.2023
принятия: 26.02.2024

Языковая репрезентация концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА немецкими эонимами

Е.О. Туманова

Московский городской университет управления Правительства Москвы
имени Ю.М. Лужкова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: ekaterina.msu@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9798-280X>

Аннотация: Статья посвящена исследованию языковой репрезентации концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА в современном немецком языке. Основная цель работы – выявление и описание эонимов (ключевых слов эпохи), хранящих историческую память о Берлинской стене, отраженную в современном немецком языке. Материалом исследования послужили эонимы, отобранные из рейтинговых списков лингвистической акции «Общества немецкого языка» (Gesellschaft für deutsche Sprache e. V / GfdS.) «Слово года» за период с 1978 по 2020 год, вербализующие концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА. Применение сравнительно-исторического и описательного методов позволило выявить эонимы, представляющие собой результат языковой рефлексии важнейшего общественно-политического феномена в современной истории Германии. В статье проводится лингвокультурологический анализ отобранных эонимов в синхронном и диахронном аспектах. Автор описывает влияние концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА на восприятие гражданами Восточной и Западной Германии друг друга, анализирует языковую рефлексию изменений в политической и социальной жизни страны в переломную эпоху после объединения ФРГ. Описание социально-исторических контекстов появления эонимов как репрезентантов концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА позволяет охарактеризовать существующие стереотипы в немецком языке. В результате анализа выделены эонимы и их дериваты, возникающие с определенной цикличностью, связывая исторические события между собой, характеризуя динамическое развитие социума и языка. Развертывание проецируемых в эонимах смыслов позволяет определить наиболее значимые исторические события, отражающиеся в концепте БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА, интерпретировать различия в коммуникативном поведении между жителями Восточной и Западной Германии.

Ключевые слова: немецкий язык; концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА; эоним; «слово года»; языковая рефлексия; ключевые слова; историческая память; немецкий язык в ГДР.

Цитирование. Туманова Е.О. Языковая репрезентация концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА немецкими эонимами // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 1. С. 149–160. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-149-160>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Туманова Е.О., 2024

Екатерина Олеговна Туманова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова, 107045, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сретенка, 28.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 24.11.2023
Reviewed: 23.12.2023
Accepted: 26.02.2024

Linguistic representation of the concept BERLIN WALL in German eonyms

Е.О. Tumanova

Moscow Metropolitan Governance University, Moscow, Russian Federation
E-mail: ekaterina.msu@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9798-280X>

Abstract: The article is devoted to the study of linguistic representation of the concept BERLIN WALL in modern German. The main goal of the article is to identify and describe eonyms (key words of the epoch) that preserve the historical memory of the Berlin Wall in modern German. The material of the study was eonyms selected from the rating lists of the linguistic action of the German Language Society (Gesellschaft für deutsche Sprache e. V.) «Word of the Year» for the period from 1978 to 2020, verbalizing the concept BERLIN WALL. The application of comparative-historical and descriptive methods made it possible to identify eonyms representing the result of linguistic reflection of the most important political phenomenon in modern German history. The article provides a linguocultural analysis of the selected eonyms in synchronic and diachronic aspects. The author describes the influence of the BERLIN WALL concept on the perception of East and West German citizens of each other, analyses the linguistic reflection of changes in political and social life in Germany in the critical era after German reunification. The description of the socio-historical contexts of the emergence of eonyms as representatives of the BERLIN WALL concept allows us to characterise the existing linguistic stereotypes in the German language. The analysis highlights the eonyms and their derivatives, which appear

with certain cyclicality, linking historical events with each other and characterising the dynamic development of society and language. The unfolding of the meanings projected in the eonyms allows us to identify the most significant historical events reflected in the concept of BERLIN WALL, to interpret the differences in communicative behaviour between the inhabitants of East and West Germany.

Key words: German; concept BERLIN WALL; eonym; word of the year; language reflection; keywords; historical memory; language of the GDR.

Citation. Tumanova E.O. Linguistic representation of the concept BERLIN WALL in German eonyms. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 1, pp. 149–160. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-149-160>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Tumanova E.O., 2024

Ekaterina O. Tumanova – Candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Law, Moscow Metropolitan Governance University, 28, Stretenska Street, Moscow, 107045, Russian Federation.

Введение

Общественно-политические события имеют особое значение для жизни конкретного социума, фиксируясь в языке и сохраняясь в виде особых единиц исторической памяти конкретного народа, формируя образ прошлого в языковом сознании данной лингвокультурной общности. Ученые-гуманитарии отмечают, что «образ прошлого формируется в символическом поле исторического воображения настоящего» [Постникова 2014, с. 216]. Создаваемый образ способствует фиксации в общественном сознании исторических закономерностей, что позволяет нации на их основании ориентироваться и развиваться в современном мире, выстраивая свою систему ценностных доминант.

Образы прошлого обозначаются термином «коммуникативная память» (термин Я. Ассмана). Все важные для одного конкретного языкового общества исторические события превращаются в его дискурсивных практиках в коммуникативные прецеденты и становятся неотъемлемой частью коммуникативного сознания нации [Туманова 2015].

Коммуникативное сознание отражается в немецком языке во множестве речевых практик одного конкретного языкового сообщества в одном историческом контексте. Общественно-политический дискурс выстраивается в зависимости от социально-политического устройства данного общества, а его порядок, наиболее близкий интересам власти, постоянно контролируется [Foucault 2000]. Формирование коммуникативного сознания происходит посредством оценки как внеязыковой реальности (фактов, событий, физических объектов), так и ключевых концептов в социокультурном контексте.

Способность интерпретировать деятельность отдельного человека, так и языкового сообщества зависит от понимания «национально-культурной текстовой концептосферы» нации (термин Г.Г. Слышкина). Базовыми в ее формировании являются разного рода прецедентные тексты, формирующие социально-исторический контекст эпохи, т. е. выделяющие определенные маркеры, характеризующие знаменательные события, явления, и меняющиеся под влиянием трансформаций в жизни государства.

Целью данной работы является описание языковой рефлексии прецедентных исторических

событий в послевоенной Германии, представленных в немецком языке концептом БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА. Под концептом понимается «ментальная репрезентация явлений действительности в сознании носителей языка» [Баранова, Мишина 2021, с. 113]. При рассмотрении концепта анализу подвергаются его структура и содержание, которые выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные дефиниции и речевые контексты [Болдырев 2004, с. 26]. Содержание концепта сформировано совокупностью когнитивных признаков концептуального предмета или явления, внутренне упорядоченных по полювому принципу, в котором различаются ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Структуру концепта, напротив, составляют компоненты различной когнитивной природы, описывающие чувственный образ и информационно-интерпретационное поле [Попова, Стернин, 2007, с. 81].

Для реализации поставленной цели определены следующие задачи: дефиниция и описание языковых единиц, фиксирующих историческую память немецкого народа; изучение способов вербализации концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА и его значения в ФРГ; лингвистический анализ эонимов (ключевых слов эпохи) как языковых репрезентантов концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА. Эонимы, связанные с концептом БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА, спустя почти 35 лет после объединения Германии продолжают становиться «Словами года» в лингвистических рейтингах Общества немецкого языка (Gesellschaft für die deutsche Sprache e. V.) [GfdS], что подтверждает значимость этого концепта в современном немецком языке и актуальность настоящей работы.

Очевидно, что интерпретация эонимов невозможна без привлечения лингвокультурологических знаний. В ходе исследования применялся комплекс методов, среди которых описательный, сравнительно-исторический, эвристический метод, сравнительно-сопоставительный анализ эонимов, вербализующих концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА.

Историческая память и эонимы

Значимые в историческом контексте концепты всегда вызывают в сознании носителей языка

многообразные ассоциации, эмоциональные реакции и рефлексы. Такие концепты передают информацию не только об исторических эпохах с их многочисленными событиями, но и заключают в себе сведения об изменениях формы и содержания рассуждений носителей языка и трансформацию иерархии ценностей бытия немцев в диахронном разрезе.

В ноябре 2024 года будет отмечаться 35-летие знаменательного события для истории современной Германии – падения Берлинской стены. Концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА остается значимым для немецкоязычного общественно-политического дискурса (прежде всего в объединенной Германии) и в настоящее время.

Языковая картина мира носителей языка отражается в восприятии культурно-этнического компонента, что происходит посредством лексических единиц языка. В языке рефлексирована концептуализация мира национальной языковой личностью [Мысоченко 2005, с. 157]. Для понимания ее текстового сообщения и картины мира в целом необходим семантический анализ лексических единиц, посредством которого открывается доступ к глубинным эстетическим подтекстам послания [Конарева 2007].

В концепции Я. Ассманна, которая опирается на работы М. Хальбвакса о социальных рамках памяти и о явлении коллективной памяти носителей языка, коммуникативная и культурная память противопоставляются индивидуальной памяти. Для индивидуальной памяти типично изолированное нахождение во внутреннем, субъективном временном пространстве, отсутствие зависимости от общественного воздействия. На коммуникативную память оказывают непосредственное влияние законы социальной эпохи. Культурная память помогает запечатлеть исторические, мифические и культурные маркеры времени и аккумулирует в себе информацию о традициях, обрядах, ритуалах и проч. [Assmann 2008; Тивьяева 2018].

Историческая память как феномен, несущий в себе знания о прошлом, является предметом изучения историков, в работах которых она описывается как сфокусированное сознание, передающее ценную информацию о произошедших событиях и явлениях в их непосредственной связи со временем настоящим и возможным влиянием в будущем. В исторической памяти аккумулируется и копится опыт нации и государства, необходимый для его дальнейшего развития и влияния на сферу общественного сознания [Тощенко 2000]. Историческая память служит основой для общественной идентификации, которая корректируется с течением времени государственными, политическими и социальными установками. Накопление и пополнение информационной базы исторической памяти происходит за счет реальных событий, отражающихся также в языке СМИ, литературе и изобразительном искусстве. Историческая память является специализированной, конвенционально за-

крепленной и нарративно обработанной формой культурной памяти [Шистеров 2014].

В роли маркеров исторической эпохи или определенного временного периода выступают лексические единицы, именуемые в лингвистике рядом синонимичных терминов: слова-хронофакты (термин З.Е. Фоминой), ключевые слова (термин А. Вежицкой), ключевые слова текущего момента (термин Т.В. Шмелевой), слова-свидетели (термин Р. Бахема). Данные лексические единицы рассматриваются в рамках исследований по лексикологии, фразеологии, прагматике, структурной лингвистике, стилистике, когнитивистике, лингвопрагматике, лингвокультурологии, политолингвистике и в других. В нашей работе для обозначения лексических единиц, отражающих эпоху и несущих в себе ее отпечаток, являющихся языковыми единицами исторической памяти, предлагается использовать новый термин – «эонимы» (от древнегреческого αἶών, обозначающего эпоху, век, жизненный путь человека). Введение этого термина позволит унифицировать имеющиеся исследования идеологем, нозм, ключевых слов текущего момента, прецедентных имен, выделив среди них те, которые имеют непосредственную связь с историческими, культурными, социальными событиями в общественно-политическом дискурсе и определить перспективы их дальнейшего анализа в рамках социолингвистики, политической лингвистики и лингвокультурологии.

Благодаря своей актуальности и общественной значимости, ключевые слова эпохи становятся часто употребляемыми в речи носителей языка [Мельник 2017, с. 34]. Так, описывая неологизмы эпохи коронавируса, Л.А. Нефедова отмечает, что ключевые слова представляют собой новые номинации в содержательном плане, которые чаще всего раскрывают свое значение в контексте современности [Нефедова 2021, с. 189–190]. Под современностью можно понимать ситуацию, в которую человек вовлечен полностью в текущий момент жизни [Майер 2021, с. 14]. Пространственно-временные координаты понятия «современность» равны настоящему времени, отражая происходящие события в жизни общества и его индивидуумов. Все, что в жизни общества и его членов не участвует, считается несовременным.

В ФРГ с 1971 года проводится лингвистическая акция «Слово года» [GfdS]. В некотором смысле релативизуемый «Обществом немецкого языка» проект по составлению ежегодных рейтингов значимых языковых единиц считается «прародителем» лингвистических акций (die Mutter der Wort-Aktionen) в Германии [Greule 2017, с. 278]. Жюри «Общества немецкого языка» состоит из его руководителей и научных сотрудников. Члены жюри отбирают за несколько недель до конца года около десяти слов, выбранных на основе анализа актуальных за год публикаций, литературных и музыкальных произведений, цитат, названий кинофильмов, сообщений в СМИ и других источников, посвященных

различным сферам и событиям жизни в Германии, из тысяч представленных вариантов, присланных носителями языка. По утверждению председателя «Общества немецкого языка», профессора Петера Шлобински, каждый может принимать участие в акции «Слово года», направив предложения с точным указанием источника и кратким объяснением своего выбора до 25 ноября текущего года по почте, электронным сообщением или заполнив специальную анкету на сайте Общества [GfdS, YouTube].

Однако не частота употребления эонима переводит его в рейтинг «Слова года». Ключевую роль играют историческая, политическая, культурная и социальная значимость языковых единиц (это могут быть словосочетания, фразеологизмы и устойчивые фразовые единства, крылатые фразы, цитаты, прецедентные афоризмы) для текущего момента в развитии нации. Фактически список «Слово года» = вклад в современную историю, языковые единицы из списка не связаны с рекомендациями или оценками, они фиксируют происходящие события [Greule 2017, с. 279].

«Слово года» рассматривается членами жюри «Общества немецкого языка» не только с точки зрения социолингвистики, но и как «символ определенного периода – от года до эпохи». Они описываются как знаки времени (эпохи), «брендовая идентичность года», в которой запечатлены происходящие социальные изменения и новые тенденции в стране в определенный промежуток времени. «Слова года» – лексические единицы, за которыми «встает эпоха» [Абрамова 2018, с. 8].

Отталкиваясь от представленного определения «слов года», можно рассматривать слова, представленные в т.н. рейтинговых списках лингвистических проектов «Слово года», как одну из основных сфер-источников эонимов. Эонимы – ключевые слова, зафиксировавшие моменты эпохи, важные исторические, политические, социальные события в жизни общества. Это слова-символы эпохи, моментально вызывающие у носителей языка соответствующие тому историческому периоду ассоциации. Для людей, живших в тот самый момент эпохи, это будут собственные рефлексии на основании имеющегося опыта и знаний. Для более молодого поколения – это исторические прецеденты, требующие ознакомления с дополнительной информацией, обсуждения с представителями старшего поколения, т. е. эонимы образуют связь поколений наравне с прецедентными текстами. По утверждению Г.Г. Слышкина, прецедентные феномены – неотъемлемая часть контекста эпохи, в которой они вписаны, а изменение их корпуса происходит под влиянием перемен в жизни нации [Слышкин 2000, с. 31]. Эонимы – это одновременно прецедентные феномены, реалии, слова с особой коннотацией, неологизмы, историзмы (иногда архаизмы). Их изучение позволяет исследовать языковую рефлексию феноменов и происходящих в обществе и на политической арене событий.

Научная новизна и теоретическая значимость нашей работы заключаются во введении нового лингвистического термина – «эоним», что может стимулировать более детальное комплексное исследование языковой рефлексии исторических и политических событий в различных дискурсивных практиках.

Концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА в немецком языке

К одним из самых ярких периодов в истории Германии, сказавшемся не только на особенностях развития нации, но и отразившемся в языке, относится период ее разделения на Восточную и Западную после Второй мировой войны как зон оккупации союзниками и связанная с этим особая ситуация по разделу и статусу Берлина. Узусы бывшей ФРГ и ГДР сохранили в себе эту историческую память и спустя несколько десятилетий после объединения Германии. Для исследователей это одно из самых уникальных явлений в развитии немецкого языка, ведь по обе стороны стены говорили на немецком языке, но саму стену называли по-разному. Берлинская стена была возведена по инициативе партийного руководства ГДР 13 августа 1961 года. Стена проходила через Берлин, разделяя город административно-политически (на восточную и западную части).

Если для жителей западной части Берлина на границе стояла Берлинская стена (Berliner Mauer), то с восточной стороны находился «антифашистский оборонительный вал» (Antifaschistischer Schutzwall). Обвинения в нацистском прошлом и неонацизме, таким образом, предъявлялись только Западной Германии. В повседневной жизни восточные немцы использовали слово Mauer, *f*, а статус пограничного перехода отражала лексема Grenze, *f*. Такая конкуренция двух лексем фиксировалась именно в Берлине. Так, например, на вопрос случайному прохожему, как пройти на улицу Leipziger Straße, чаще можно было услышать ответ: «Das ist Richtung Grenze» (Это по направлению к границе) [Трошина 2015, с. 251].

В языке жителей ГДР сложился лексический узус, пронизанный советизмами и ироническими номинациями. К ним принадлежат, например, Subbotnik, *m* (субботник), Jägerschnitzel, *n* (охотничья колбаса, обжаренная в панировке), Erichs Lampenladen, *m* (Дворец Республики в Берлине, символ ГДР, обыграно имя Эриха Хонекера, генсека СЕПГ, а фойе Дворца, освещенное 1001 стеклянной лампой, прозвали «Ламповой лавкой Эриха»), Soljanka, *f* (солянка), Kosmonaut, *m* (космонавт) [Туманова 2022, с. 165].

Мы исследуем эонимы, образующие концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА как один из главных символов эпохи существования ГДР и ФРГ в современном немецком языке, принимая их за единицы культурной, в частности исторической памяти, немецкого народа в целом. В то время, как в пропагандистской кампании Социалистической

единой партии Германии речь шла об «антифашистском оборонительном вале», созданном для защиты граждан восточной Германии от финансового и идеологического влияния Запада, на Западе говорили о том, что жители ГДР заперты в собственном государстве (*das Einsperren der DDR-Bürger im eigenen Staat*), называя Берлинское сооружение *Schandmauer*, *f* (стена позора) [*Wörter, die Geschichte machten* 2001, с. 41]. Метафорой «позорная стена» впервые отреагировал тогдашний федеральный канцлер ФРГ Вилли Брандт на построенную в 1961 году Берлинскую стену, закрепив его употребление как термин в общественно-политической коммуникации вплоть до начала 1970-х годов, когда постепенно начинали налаживаться отношения между двумя германскими государствами.

С возведением стены высотой до 4 м и протяженностью более 150 км 13 августа 1961 года Восточный Берлин был отделен от западной части города. «Большой Берлин», изначально находясь в центре советской зоны оккупации, также был разделен на 4 сектора, однако, советский сектор был самым большим: в него входили восемь восточных районов города [История Германии 2008, с. 338].

Число беженцев (среди которых были и официально иммигрировавшие лица, так и нелегальные «перебежчики») из ГДР в ФРГ ежегодно росло: в 1953 году выехало около 391 тыс. человек, в 1954 году – 184 тыс., в 1955 году – 252 тыс. человек [История Германии 2008, с. 498]. Руководство ГДР положило конец так называемой практике «голосования ногами» (*Abstimmung mit den Füßen*), приняв решение о возведении стены. 20 августа 1961 года Эрих Хонеккер приказал: «*Gegen Verräter und Grenzerletzer ist die Schusswaffe anzuwenden*» (*Chronik der Wende*). Слово *Schießbefehl*, *m* (приказ стрелять) стало эонимом. 6 октября 1961 года министр обороны ГДР дал соответствующий приказ пограничным войскам, что привело к гибели многих людей. Так, в ночь с 12 на 13 августа 1961 г. попытка перепрыгнуть, сделать подкоп или просто перейти за стену стоила жизни 80 жителям ГДР. Совет министров ГДР выступил с официальным заявлением, в котором закрытие границы было обосновано как ответ на «обострение реваншистской политики» Западной Германии и «систематическую вербовку граждан ГДР» [История Германии 2008, с. 504]. Тем не менее летом 1989 года ни «антифашистский оборонительный вал», ни «приказ стрелять» не предотвратили массовое бегство граждан ГДР. Вечером 9 ноября 1989 года, в «ночь ночей» (*Nacht der Nächte*) десятки тысяч берлинцев покинули территорию ГДР, Берлинская стена пала. Это событие нашло отражение в языке, именуясь *Schicksalstag*, *m* (судьбоносный день) (*aktuell4u*).

Вербализация концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА происходит посредством дериватов от *Mauer*, *f* (стена). Среди ключевых производных лексем выделим слова: *Mauerbau*, *m* (сооружение стены);

Mauerbefindlichkeit, *f* (ощущение присутствия стены); *Mauerflüchtling*, *m* / *Mauerläufer*, *m* (тот, кому удалось сбежать/убежать за стену); *Mauerschütze*, *m* (стрелок/снайпер на стене); *Mauerfall*, *m* (падение стены); *Mauerprozess*, *m* (судебный процесс над ответственными за сооружение стены) [Трошина 2015, с. 250].

Метафорическим производным от слова *Mauer*, *m* стало *Mauerspecht*, *m* («настенный») дятел, занявшее девятую позицию рейтинга «Слова 1989 года» [GfdS]. Этот эоним-комполит состоит из двух частей – «стена» и «дятел», а ироническая метафора характеризовала людей, которые подобно дятлам отламывали (отколупывали) от Берлинской стены кусочки для продажи как сувениров, разрушая ее [Wörter, die Geschichte machten 2001, с. 42]. После падения стены тысячи берлинцев и туристов проявляли интерес к сохранению как кусочка истории – маленькой частицы стены, стимулируя тем самым ее дальнейшее уничтожение. «Разрушители» стены (изготовители сувениров) использовали орудия всех калибров, чтобы справиться с железобетоном. Фрагменты стены как популярные берлинские сувениры получили наименование *Mauersteine* (кусочки [субстанция] стены) (*Chronik der Wende*).

В формировании немецкоязычного дискурса БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ можно выделить три основных этапа [Shethar, Hartung 1998]:

1. 1950–1960-е гг. (до возведения Берлинской стены 13.08.1961 и в первые годы ее существования) – немецкий язык воспринимался как прочная основа германской нации, все возникающие языковые различия между ФРГ и ГДР обозначались как временные явления, но вопросы единства немецкого языка лингвистами не обсуждались.

2. С начала 1970-х гг. руководство ГДР стало пропагандировать собственный путь развития страны, подчеркивалась самобытность восточных немцев как отдельной социалистической немецкой нации, немецкий язык в ГДР предлагалось рассматривать как язык социалистической немецкой нации. Среди лингвистов все чаще возникал вопрос о расширении спектра национальных вариантов немецкого языка: стоило ли различать три варианта (немецкий, австрийский и швейцарский) или четыре, учитывая разграничение языков в ГДР и в ФРГ. В связи с задачей укрепления внутригерманских отношений ряд западных лингвистов продолжал поддерживать концепцию языка как средства объединения всей нации.

3. Осложнение экономической ситуации в ГДР привело в конце 1980-х гг. к попыткам возобновления диалога с Западом путем поддержания концепта ЕДИННЫЙ ЯЗЫК и ослабления значимости концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА.

Однако концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА и сегодня остается довольно устойчивым в сознании немцев. После падения Стены появились такие выражения, как *äußere Mauer* (внешняя [реальная] стена) и *innere Mauer* (внутренняя стена, стена

в головах [в сознании]) [Wörter, die Geschichte machten 2001, с. 42]. Таким образом, практически одновременно с формированием дискурса БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ воздвигались «дискурсивные стены» [Трошина 2015, с. 254], которые проявлялись не только в ментальных различиях между гражданами ФРГ и ГДР, но и в их речевом поведении.

Эонимы как репрезентанты концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА

Изменения в коммуникативном поведении и языковом сознании носителей немецкого языка в послевоенный период привели к появлению «стены в головах». «Стена в головах» – это, по сути, «дискурсивная стена» (термин Н.Н. Трошиной) [Трошина 2015, с. 254], образованная взаимосвязанными контекстами, которые, в свою очередь, зафиксированы в языковых стереотипах. Стереотип представляет собой «схематическое и стандартное представление о политическом феномене», существенными признаками которого выступают устойчивость употребления и особая эмоциональная окраска [Чудинов 2006, с. 46]. Стереотипы могут служить как формированию и сохранению групповой идеологии, так и создавать и поддерживать образ «мы-группы» в положительном свете [Прохоров 2009, с. 165].

Источником примеров таких языковых стереотипов могут быть данные опроса 1993 года в университетах в бывших ФРГ и ГДР на тему «Языковое развитие в Германии» (Sprachentwicklung in Deutschland) [Reiher 1996]. В сознании жителей Западной Германии восточные немцы обладают ментальностью людей, постоянно ощущающих угрозу и находящихся в защитном бункере (Bunkermentalität, *f*), передвигающихся на малолитражных машинах марки «Трабант» (Trabbifahrer, *m*).

Уменьшительно-ласкательные и усеченные формы редко включаются в список «Слово года», в основном среди эонимов встречаются полные формы существительных или словосочетания. Диминутив Trabi, *m*, образованный от марки автомобиля Trabant, занял последнюю строчку в рейтинге слов-символов 1989 года. Это малолитражный автомобиль производства ГДР с двухцилиндровым двухтактным двигателем мощностью 26 лошадиных сил. С 1964 по 1990 г. было выпущено 2,4 млн экземпляров модели “Trabant 601”. Автомобиль заправлялся топливно-масляной смесью и имел особый пластиковый кузов. Несмотря на ряд очевидных недостатков, в том числе неэкологичность и малые габариты, Trabi, *m* считался для многих надежным транспортным средством (по сути единственным) для путешественников.

После открытия границы в ноябре 1989 г. целый Trabi-Karawane, *f* (караван Траби) проехал по Западной Германии. «Трабант» стал символом «движения к свободе». Западные немцы поначалу встретили своих восточных соседей с распротертыми объятиями и выразили свою радость,

положив цветы за стеклоочистители Trabi. ADAC призвал западногерманских автомобилистов быть внимательными, поскольку водители Trabi двигались по автобанам со скоростью 70–80 км/ч. В некоторых городах не выписывались штрафы за парковку, если нарушителем правил дорожного движения был гражданин ГДР, а на многих заправокных станциях готовились специальные Trabi-Cocktails (бензиново-масляная смесь в соотношении 30:1). Но когда Trabi-Welle, *f* (волна Траби) захлестнула всю страну, стали расти Trabi-Sorgen (беспокойство по поводу Траби), а вместе с этим недовольство многих жителей Западного Берлина: в основном жалобы были на привилегии для жителей восточной части города. Trabi не только поляризовал население, но и установил стандарты, несмотря на недостатки, многочисленные шутки, насмешки, Trabi стал символом свободы на Западе, в чем одна из причин включения его «Обществом немецкого языка» в «слова года» в 1989 году [Thiess 2017, с. 360].

Словом Busch, *m* (заросли) стали называть «новые федеральные земли», а западные специалисты, направленные на работу «в экстремальные условия» получали надбавку, которая именовалась Buschzulage, *f*. Первоначально композитом Buschzulage, обозначались особые, преимущественно денежные льготы, которые колониальные чиновники Германской империи получали за работу в колониях «im Busch» (в зарослях). Слово никогда не было оценочно-нейтральным, отражая типичное высокомерие т. н. Mutterländer и их представителей [Kramer 1996, с. 57]. В результате актуализации этого слова в ФРГ в переломную эпоху Buschzulage приобретает дополнительные коннотации: с одной стороны, im Busch и das Gebiet der ehemaligen DDR (территория бывшей ГДР) употребляются синонимично с дополнительным коннотацией «колония», усиливая пейоративность. С другой стороны, Buschzulage употребляется как эвфемизм для обозначения «безналоговых доплат западногерманским госслужащим и судьям в Восточной Германии», «компенсации», а также «зарплаты и пособия за трудности», которые должны стимулировать жителей западной Германии поехать в качестве Aufbauhelfer, *m* (помощники в восстановлении) в «новые земли» ФРГ [Kramer 1996, с. 57].

В свою очередь, импликация, содержащаяся в концепте, ставшем политическим термином и «главным словом» 1991 года – «новые федеральные земли» (die neuen Bundesländer) закрепила ментальное разделение Германии на восточную и западную части даже после падения Берлинской стены и объединения страны. Присоединение новых федеральных земель к ФРГ вызывало негативное отношение некоторых граждан бывшей ФРГ. Причины подобного отношения заключались, в первую очередь, в том, что новым регионам требовалась экономическая поддержка. Для помощи в развитии новых территорий правительству при-

шлось ввести «налог на солидарность», который жители ФРГ платили в пользу развития бывшей ГДР.

Эонимом, связанным с денежным вознаграждением, является «слово 1989 года» Begrüßungsgeld, *n* (приветственные деньги). Эти выплаты в размере 100 западногерманских марок полагались раз в год каждому гражданину ГДР при посещении ФРГ как подарок в период с 1970 года до 29 декабря 1989 года. Лексема стала «словом года» только в 1989 году в связи с падением Берлинской стены, когда тысячи восточных немцев направились в бывшую ФРГ и готовы были стоять часами в очередях для получения денег. 1 января 1990 года «приветственные деньги» были официально отменены в связи с тем, что только за 1989 год было выплачено более 2 млрд немецких марок, что считалось более чем достаточным [Reents 2017, с. 66].

Концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА репрезентирован также неологизмами, возникшими после объединения Германии: Jammerossi, *m* (нытик осси [восточный немец]), frustrierter Ossi, *m* (забитый осси), Jammertal Ost, *m* (жалкий край Восток). В речи восточных немцев тоже появилось яркое именование для сограждан западной части Германии – Besserwessi, *m* (всезнайка, умник [западный немец]), которое передавало их самоуверенность и стремление к превосходству (Добровольский 2008). Этот эоним стал «главным словом» 1991 года, передавая эмоциональную оценку «зазнающихся» западных немцев, которые считали жителей «новых земель» низшим сословием.

Спустя 25 лет после падения Берлинской стены в газете Thüringische Landeszeitung были опубликованы результаты опроса восточных и западных немцев о восприятии понятия «Берлинская стена» сегодня. Выяснилось, что практически каждый шестой респондент хотел бы вернуть стену. Чаще всего встречалось мнение: «ein, die Mauer wieder her, dann hat jeder seine Ruhe! (Вернуть стену! Тогда, наконец, каждый по-своему успокоится!). Примечательно, что за возвращение Берлинской стены выступали не только отдельные граждане западной или восточной частей Германии, но и некоторые политические организации и партии, например, «Партия пиратов Германии», «Альтернатива для Германии» (Mauer in den Köpfen). В публикациях регулярно встречаются высказывания, отражающие желание снова возвести стену: «viele würden gern die Mauer wieder aufbauen, vielleicht etwas höher und breiter als sie war (DWDS, Berliner Zeitung, 27.08.2005). Die Pogo-Partei etwa, die durch ihren umstrittenen Wahlspot für Aufregung sorgte, die „Initiative Pro D-Mark“, die die alte Währung zurückhaben möchte, oder die vom Satiremagazin Titanic gegründete Vereinigung „Die Partei“, welche die Mauer wieder aufbauen will (DWDS, Berliner Zeitung, 17.09.2005).

Многие ученые отмечают трансформацию стереотипа «стены в головах» в «баррикады в головах». Социологи объясняют причину актуальности концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА в усиливающемся разочаровании от сложившейся после объединения Германии ситуации и трудностях социально-культурной адаптации разных групп граждан. Для многих стена представляет собой защиту от ряда возникших в связи с переломным моментом проблем, а тем самым в современном обществе ФРГ концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА стал получать положительную коннотацию.

Следующие эонимы отмеченные в лингвистических рейтингах Общества немецкого языка [GfdS] разных лет, образуют ядро концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА. Так, в список «слов 1982 года» попало значимое для немецкой культуры понятие Wende, *f* (переломное [историческое] событие, резкое изменение, поворот). Появление эонима отражало смену правительства в 1982 году, или т. н. Bonner Wende («Боннский поворот»), который канцлер прежней ФРГ Гельмут Коль охарактеризовал в своей инаугурационной речи как «духовно-нравственный поворот» (geistig-moralische Wende) (Der Begriff „Wende“). Благодаря выступлению по телевидению 18 октября 1989 года последнего генерального секретаря СЕПГ Э. Кренца в политическом дискурсе Германии этот термин получил более широкое распространение и прочно закрепился в значении «великий политический и социальный переворот 1989 года в ГДР» (Duden). Отставка с поста канцлера в 1982 году вызвала смену парадигм в политической культуре ФРГ. Таким образом, «перелом» 1982 года представляет собой политическую и социальную цезуру в истории послевоенной Германии, которая по воздействию сравнима со студенческими волнениями 1968 года или с падением Берлинской стены в 1989 году.

«Главным словом» 1989 года стал эоним Reisefreiheit, *f* (свобода передвижения), получивший особое значение в связи с историческими событиями. Выезд в западную часть Германии из ГДР был возможен исключительно по определенным семейным и имущественным обстоятельствам. В 1980-х гг. расширилось число поводов для поездок к родственникам и имеющих на это право круг лиц. В списке появляются родственники второй очереди, например, тети и дяди. С 1 января 1989 года в ГДР вступило в силу новое положение о свободе передвижения граждан, позволяя посещать дальних родственников на Западе. Однако по-прежнему запросы на поездки отклонялись по многим причинам, полной свободы передвижения за рубеж жители ГДР не получили. Каждая поездка в ФРГ была сопряжена со сложной процедурой, включающей подачу заявления в Народную полицию, предоставление письменного согласия с места работы и т. п.

9 ноября 1989 года в здании, которое сегодня является офисом Федерального министерства юстиции в Берлине, состоялась пресс-конференция,

на которой Гюнтер Шабовски, член Политбюро СЕПГ, объявил о свободе передвижения. Предполагалось, что можно будет подавать заявления на частные поездки за границу без соблюдения определенных требований. На вопрос журналистов, когда новое положение будет применяться к жителям ГДР, Г. Шабовски ответил ставшими историческими словами: «Das tritt nach meiner Kenntnis <...> ist das sofort, unverzüglich» (Это вступает в силу, насколько я знаю... немедленно, без промедления) (Bundesregierung). В последующие часы массы людей собирались на внутригородских пограничных переходах в Восточном Берлине, призывая удивленных пограничников предоставить им вновь объявленную свободу передвижения. Этот мирный натиск привел к разрушению стены: сначала был открыт пограничный переход на улице Bornholmer Straße, а к полуночи – все остальные пограничные переходы в городе. Стена была ликвидирована спустя 28 лет, 2 месяца и 26 дней с момента воздвижения. За один вечер были открыты все внутригерманские пограничные переходы. С падением стены (Mauerfall, *m*) начался непродолжительный путь в истории страны к воссоединению.

Недавно в немецкий общественно-политический дискурс вошел эоним, связанный с концептом БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА, т. н. Zirkeltag, *m* («День круга») (Майер 2021, с. 65). 5 февраля 2018 года прошло 28 лет, 2 месяца и 26 дней с момента падения Стены, разделявшей два государства. Ровно столько Стена просуществовала в Берлине, и «круг» в понимании немцев замкнулся.

К списку слов 1989 года относится композит Flüchtlingsstrom, *m* (поток беженцев). С момента образования ГДР и до открытия границы 9 ноября 1989 года Восточную Германию по официальным данным покинуло около 3,5 млн жителей, при этом 3 млн. путем нелегального бегства (Chronik der Wende). Летом 1989 года имели место массовые акции бегства. Беженцами (Flüchtlinge) обозначали восточных немцев, самовольно переселяющихся в ФРГ, Чехословакию, Польшу и Венгрию. Базовой семантикой суффикса мужского рода -ling является обозначение лиц с отрицательными качествами, чертами характера, реже – с отрицательной внешностью, при основах прилагательных и глаголов (ССЭНЯ 2000, с. 286–286). Примерами существительных с этим суффиксом, несущим негативную семантику, являются: Eindringling, *m* (нарушитель), Emporkömmling, *m* (выскочка), Schreiberling, *m* (писак). По этой причине ряд организаций помощи беженцам использует синонимы, представляющие собой агентивные номинации (Nomina agentis), т. е. субстантивированные причастия II с менее ярким негативным оттенком: Geflüchtete, *m* (бежавший) или Auswanderer, *m* (эмигрант, переселенец).

В 2015 году лексема die Flüchtlinge за счет своего частотного употребления была определена главным словом года, когда в ФРГ прибыли 1,1 млн беженцев. Практически половина из них – выходцы из Сирии, покинувшие страну в связи с гражданской войной (Interfax).

Спустя 25 лет после объединения Германии был представлен проект «Kennen wir uns?» (Dobbert 2015), где две семейные пары (представители восточных и западных немцев) рассуждают о родине, любви, деньгах, смерти, повседневном быте, путешествиях. Опубликованные диалоги отразили представления о жизни в Германии до и после объединения, о трудностях, с которыми сталкивались жители страны. Показательны две знаковые фразы. Г-н Кнёллер, западный немец, описывает восточных сограждан как: diese ostdeutschen Flüchtlinge (эти восточно-немецкие беженцы). Определительное словосочетание подчеркивает отсутствие чувства единства народа, отношение к жителям ГДР со стороны западных немцев как к представителям другой страны. Подтверждением этому служит дальнейшее сравнение восточных немцев после падения стены с современными беженцами из Сирии. Г-жа Райдл, представительница восточных немцев, рассказала, что раньше зарабатывала больше, но сейчас ощущает себя glücklicher und freier (счастливее и свободнее), апеллируя к теме ограничений, отсутствия достаточной свободы в Восточной Германии.

Главным словом 2014 года стал эоним Lichtgrenze, *f* (световая граница). Речь идет о световой инсталляции, посвященной 25-й годовщине падения Берлинской стены. Осенью в Берлине более 8000 белых светящихся воздушных шаров на протяжении 15 километров напомнили о Берлинской стене и бывшем разделении города. Подъем воздушных шаров «впечатляюще символизировал растворение демаркационной линии, которая когда-то была темной во всех отношениях» (GfdS). Жюри проекта «Слово года» так пояснило выбор данной лексемы в качестве эонима: Es spiegelt in besonderer Weise die großen Emotionen wider, die das Ende der DDR im Herbst 1989 auch 25 Jahre später noch in ganz Deutschland hervorruft (GfdS).

Ожидаемо, что к очередной годовщине падения Берлинской стены появятся новые эонимы или актуализуются имеющиеся, подчеркивая значимость этого исторического события для формирования национального сознания.

Не менее важно для языковой рефлексии концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА отношение к поколению немцев, родившихся сразу после объединения Германии 3 октября 1990 года (Forth, Weber 2015). Это поколение получило наименование Nachwendekinder (дети „пост-переломной“ эпохи). Журналисты опубликовали собранные в ходе опроса представления современной немецкой молодежи о различиях между жителями восточной и западной части страны на сегодняшний день (Forth, Weber 2015). По данным социологического опроса 60 % молодых людей из новых федеральных земель в возрасте от 24 до 25 лет подтверждают существующие значительные различия между востоком и западом страны не только в доходах, благосостоянии, но и в менталитете. На западе страны с этим утверждением согласны 42 % опрошенных. Рассуждения группы молодых людей,

выросших в единой стране, подтверждают, что на их представления о жизни и восприятие немцев из другой части страны значительное влияние оказали школьное образование и воспитание в семье. С одной стороны, активно пропагандируется идея о единстве немецкого народа, с другой стороны, в монологах современного поколения по-прежнему прослеживается эта «дискурсивная стена». В сознании немецкого народа по-прежнему существуют стереотипы по отношению к восточным и западным немцам, но упоминания о них встречаются все реже. Подобные обсуждения характерны для старшего поколения. По замечанию Нико Рудольфа из Фрайбурга (Западная Германия), стереотипные представления об «осси» и «весси» для его поколения не носят негативного оттенка как в речи поколения тех, кому за 50 (Forth, Weber 2015). При этом современные восточные немцы продолжают называть своих ровесников с запада «eine/ein von drüben» (одна / один из „тех“ / „оттуда“).

Заключение

Концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА, являясь одной из ментальных доминант в общественно-политическом дискурсе Германии после ее объединения, остается актуальным в настоящее время. Согласно опросам среди носителей языка, возникшая в переломную эпоху «стена в головах» сохраняется в большей степени в менталитете старшего поколения. В коммуникации молодежи концепт вербализируется и актуализируется реже, но он полностью построен на сложившихся в их коммуникативном сознании стереотипах, сформированных в семье и окружающем социуме. Различия между восточными и западными немцами прослеживаются на уровне языковой рефлексии не только в их отношении друг с другом, но и в их восприятии политической системы.

Репрезентантами концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА в немецком языке являются 52 описанные выше языковые единицы. При этом ядро концепта формируют 10 из них, которые представляют собой эонимы, т. е. избранные носителями

языка «слова года», отражающие исторический момент, определяющие наиболее значимые события и явления в жизни общества. Введение нового лингвистического термина «эоним» позволяет отграничить данный термин от смежных понятий и описать примеры данных единиц с позиции лингвокультурологии. Употребления некоторых лексем и их дериватов в современном немецком языке свидетельствует о значении произошедших событий для истории страны, ставших частью не только исторической, но и коммуникативной памяти носителей немецкого языка.

Структуру концепта отражают три условные значимые группы отобранных эонимов:

1. эонимы, репрезентующие концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА как реальное сооружение, административно-политическую границу в Берлине в период существования ГДР: *Mauerspecht, m; Lichtgrenze, f;*

2. эонимы, репрезентующие концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА как исторический и политический феномен после объединения Германии: *Zirkeltag, m; Wende, f, Reisefreiheit, f; Flüchtlingsstrom, m; Be-grüßungsgeld, n;*

3. эонимы, репрезентующие концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА как «стену в головах» населения восточной и западной Германии: *Trabi, m; Besserwessi, m; die neuen Bundesländer.*

Появление новых слов или новых значений, как в случае с лексемой *Flüchtlinge*, подчеркивают динамичность развития общества и гетерогенность языка. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят обнаружить скрытый в эонимах смысл, отражающий память очевидцев исторических событий, отношение населения к переломной эпохе, выраженное в современном немецком языке, существующие различия в коммуникативном поведении между восточными и западными немцами, особенно между носителями языка старшего поколения. В этой связи изучению эонимов, отражающих концепт БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА, следует уделять особое внимание в меняющейся геополитической ситуации.

Материалы исследования

aktuell4u – 9. November – aktuell4u-Storys. Schicksalstag der Deutschen. URL: <https://www.aktuell4u.de/story/artikel/9-november-schicksalstag-der-deutschen>.

Bundesregierung – *Bundesregierung. Neue Reiserregelung, aber keine Reisefreiheit.* URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/deutsche-einheit/neue-reiserregelung-aber-keine-reisefreiheit-419588>.

Chronik der Wende – *Chronik der Wende. Glossar.* URL: https://www.chronikderwende.de/lexikon/glossar/glossar_jsp?key=mauerspecht.html.

Der Begriff „Wende“ – *Der Begriff „Wende“ als Bezeichnung für den Untergang der DDR. Wissenschaftliche Dienste.* URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/677932/da844372419109a378e7060523ec4477/WD-1-024-19-pdf-data.pdf>.

Dobbert 2015 – *Dobbert S. Kennen wir uns? // Zeit online.* 01.10.2015. URL: <http://www.zeit.de/feature/wiedervereinigung-deutschland-ost-west-mauerfall>

Duden – *Duden.* URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Wende_Kehre_Umbruch_Neuerung

Forth, Weber 2015 – *Forth F., Weber S. Wiedervereinigung.* Geboren am 3. Oktober 1990. // *Zeit online.* 03.10.2015. URL: <http://www.zeit.de/2015/39/wiedervereinigung-ost-west-studenten-geburtsdatum-3-oktober-1990>.

DWDS – *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache.* URL: <https://www.dwds.de>.

GfdS – *Gesellschaft für deutsche Sprache e.V. Wort des Jahres.* URL: <https://gfds.de/wort-des-jahres>.

Interfax – *Interfax*. URL: <https://www.interfax.ru/world/488565>.

Mauerfall – *Bundesministerium der Justiz. Mauerfall*. URL: https://www.bmj.de/DE/Ministerium/GeschichteBMJ/Mauerfall/Mauerfall_node.html#:~:text=Am%209th,the%20SED%20%2D%20the%20freedom%20of%20travel%20verk%C3%BCndete.

Mauer in den Köpfen – Mauer in den Köpfen. Jeder sechste Deutsche will die Mauer zurück. // FOCUS online. 08.11.2014. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/25-jahre-mauerfall/stichwort-mauer-in-den-koepfen-jeder-sechste-deutsche-will-die-mauer-zurueck_id_4259998.html.

Trabi – *Trabi*. URL: <http://www.trabi.de>.

YouTube – Wie wird das Wort des Jahres gewählt? // Gesellschaft für die deutsche Sprache. URL: <https://youtu.be/pS-YRGhErzo?si=UDaOiEKrBY0b7GZ3>.

ССЭНЯ – *Словарь словообразовательных элементов немецкого языка* / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурясов и др.; под рук. М. Д. Степановой. – Москва: Русский язык, 2000. 536 с.

Добровольский 2008 – *Добровольский Д.О.* Новый большой немецко-русский словарь: в 3 т. Москва: АСТ, 2008. 1024 с.

Майер 2021 – *Майер В.С.* Лингвистические маркеры современности в социокультурной сфере (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2021. 203 с.

Тивьяева 2018 – *Тивьяева И.В.* Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности: дис. ... канд. наук. Москва, 2018. 389 с.

Библиографический список

Assman 2008 – *Assmann J.* Communicative and Cultural Memory // Astrid Erll, Ansgar Nünning (Hg.). *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter, 2008. P. 109–118. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110207262.2.109>.

Foucaudt 2000 – *Foucaudt M.* Ordnung des Diskurses / Mit einem Essay von Ralf Konersmann / Aus dem Französ. von Walter Seitter. 7. Aufl. Frankfurt am Mein, 2000. 93 s. URL: https://www.kulturanalyse.uzh.ch/dam/jcr:00000000-7943-5e91-ffff-ffffbc77cf97/Foucault_DieOrdnung_1970.pdf.

Greule 2017 – *Greule A.* Wörter des Jahres, Jugendwörter, Unwörter und kein Ende. Kritische Einschätzung der Wort-/Unwort-Aktionen im deutschen Sprachraum // *Text und Diskurs*. 2017. Issue 10. S. 277–286. URL: <https://docplayer.org/73022374-Woerter-des-jahres-jugendwoerter-unwoerter-und-kein-ende-kritische-einschaetzung-der-wort-unwort-aktionen-im-deutschen-sprachraum.html>.

Kramer 1996 – *Kramer U.* Von Ossi-Nachweisen zu Buschzulagen // Reiber P. & Kramer U. (eds.) *Von 'Buschzulage' und 'Ossi-Wessi-Nachweis': Ost-West-Deutsch in der Diskussion*. Berlin, 1996. S. 55–69.

Reents 2017 – *Reents F.* Begrüßungsgeld. Von „Szene“ bis „postfaktisch“. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2017. S. 65–66.

Reiber 1996 – *Reiber R.* Ein Ossi – ein Wort; ein Wessi – ein Wörterbuch. Zur Bewertung von Sprache und Sprachverhalten der Deutschen Ost und West // Reiber P. & Kramer U. (eds.) *Von 'Buschzulage' und 'Ossi-Wessi-Nachweis': Ost-West-Deutsch in der Diskussion*. Berlin, 1996. S. 32–54.

Shethar, Hartung 1998 – *Shethar A., Hartung W.* Was ist «Ossijammer» wirklich? Diskursideologie und die Konstruktion deutsch-deutscher Interkulturalität // *Sprache als Mittel von Identifikation und Distanzierung*. Frankfurt am Mein, 1998. S. 39–66.

Thiess 2017 – *Thiess C.* Trabi. Von „Szene“ bis „postfaktisch“. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2017. S. 360–361.

Wörter, die Geschichte machten 2001 – *Wörter, die Geschichte machten*. Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts. Gesellschaft für deutsche Sprache (Herausgeber). München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 224 S.

Абрамова 2018 – *Абрамова Е.И.* Слово года / The Word of the Year: принципы отбора и подходы к изучению // *Иностранные языки в высшей школе*. 2018. № 2 (45). С. 7–13. URL: <https://fljournal.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/2018/09/ИЯВВШ-№-245-для-РИНЦ.pdf>.

Баранова, Мишина 2021 – *Баранова Л.Л., Мишина Л.Ф.* Вербальное отражение концепта ‘insularity’ в языковой и понятийной картинах мира британцев (на материале газеты The Economist) // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27, № 2. С. 112–121. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-2-112-121>.

Болдырев 2004 – *Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 18–37. URL: https://studylib.ru/doc/2612526/konceptual_noe-prostranstvo-kognitivnoj-lingvistiki.

История Германии 2008 – *История Германии*: учебное пособие: в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Москва: КДУ, 2008. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века / А.М. Бетмакаев, Т.А. Бяликова, Ю.В. Галактионов [и др.]; отв. ред. Ю.В. Галактионов; сост. науч.-справ. аппарата А.А. Мить. 672 с. URL: [https://prussia.online/Data/Book/is/istoriya-germanii-3-2/История%20Германии.%20Т.%202%20\(2008\),%20OCR.pdf](https://prussia.online/Data/Book/is/istoriya-germanii-3-2/История%20Германии.%20Т.%202%20(2008),%20OCR.pdf).

Конарева 2007 – *Конарева Н.Н.* Ассоциативно-семантическое поле концепта ЛЮБОВЬ в поэтическом дискурсе М. Цветаевой // *Славянские языки и культура. Язык. Культура. Коммуникация: материалы Международной научной конференции*. (Тула, 17–19 мая 2007 г.). Тула, 2007. URL: <http://www.geokorolev.ru/download/museum-cvetaeva-cthenia-2005-konareva.pdf>.

Мельник 2017 – Мельник Ю.А. Языковые маркеры Новейшего времени (на материале социолингвистических проектов «Слово года») // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 11 (407). Филологические науки. Вып. 109. С. 34–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-markery-noveyshego-vremeni-na-materiale-sotsiolingvisticheskikh-proektov-slovo-goda/viewer>.

Мысоченко 2005 – Мысоченко И.Ю. Языковая картина мира. Концептуальный анализ // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. научных трудов. Вып. 2. Архангельск: Поморский университет, 2005. С. 157–162. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23123627>. EDN: <https://elibrary.ru/tmajmr>.

Нефедова 2021 – Нефедова Л.А. О дискурсивной маркированности лексики пандемии коронавируса (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 3 (845). С. 185–196. DOI: http://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_3_845_185. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/3_845_H.pdf.

Попова, Стернин 2007 – Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва, 2007. 314 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Kognitivnaja_lingvistika_2007.pdf?ysclid=lto0ezai06904717107.

Постникова 2014 – Постникова А.А. Прецеденты Наполеоновской эпохи в коммуникативной памяти современной Франции: от «Аустерлица» до «бистро» // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 216–223. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/838/1/plin-2014-03-27.pdf?ysclid=lto0i9jfbz406731070>.

Прохоров 2009 – Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. Москва: Флинта: Наука, 2009. 224 с. URL: <https://klex.ru/ta0?ysclid=lto0rw1m23269959372>.

Слышкин 2000 – Слышкин Г.Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. Москва, 2000. 288 с. URL: <https://klex.ru/1je9?ysclid=lto0x1r6tw737759241>.

Тощенко 2000 – Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>.

Трошина 2015 – Трошина Н.Н. Роль концептуальных опор дискурса в формировании социальной перцепции (на примере концепта БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты, 2015. С. 248–255. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kontseptualnyh-opor-diskursa-v-formirovanii-sotsialnoy-pertseptsii-na-primere-kontseptna-berlinskaya-stena/viewer>.

Туманова 2022 – Туманова Е.О. Концепт ГДР в современной виртуальной немецкоязычной коммуникации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. 2022. № 3–3. С. 163–168. DOI: <http://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.03-3.33>. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48530455>. EDN: <https://elibrary.ru/fiicto>.

Туманова 2015 – Туманова Е.О. Афоризм как речевой жанр: этапы становления и развития (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43): в 2 ч. Ч. I. С. 175–179. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2015_1-1_47.pdf.

Чудинов 2006 – Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Москва: Флинта: Наука, 2006. 256 с. URL: <https://discourseworld.ru/upload/iblock/efd/efd3c96f02282af9d3e9db0bfefc68f6.pdf?ysclid=lto21fwkfb393335580>.

Шистеров 2014 – Шистеров М.В. Breve et efficaci per exempla: миф, память, история // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 6–14. URL: [http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_4\(45_2014_Shisterov_2.pdf?ysclid=lto24z51hi77150467](http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_4(45_2014_Shisterov_2.pdf?ysclid=lto24z51hi77150467).

References

Assman 2008 – Assmann J. (2008) Communicative and Cultural Memory. In: Astrid Erll, Ansgar Nünning (Eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter, pp. 109–118. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110207262.2.109>.

Foucaudt 2000 – Foucaudt M. (2000) Ordnung des Diskurses / Mit einem Essay von Ralf Konersmann / Aus dem Französ. von Walter Seitter. 7. Auflage. Frankfurt am Mein, 93 p. Available at: https://www.kulturalanalyse.uzh.ch/dam/jcr:00000000-7943-5e91-ffff-ffff77cf97/Foucaudt_DieOrdnung_1970.pdf.

Greule 2017 – Greule A. (2017) Wörter des Jahres, Jugendwörter, Unwörter und kein Ende. Kritische Einschätzung der Wort-/Unwort-Aktionen im deutschen Sprachraum. *Text und Diskurs*, issue 10, pp. 277–286. Available at: <https://docplayer.org/73022374-Woerter-des-jahres-jugendwoerter-unwoerter-und-kein-ende-kritische-einschaetzung-der-wort-unwort-aktionen-im-deutschen-sprachraum.html>.

Kramer 1996 – Kramer U. (1996) Von Ossi-Nachweisen zu Buschzulagen. In: Reiher P. & Kramer U. (eds.) *Von 'Buschzulage' und 'Ossi-Wessi-Nachweis': Ost-West-Deutsch in der Diskussion*. Berlin, s. 55–69.

Reents 2017 – Reents F. (2017) Begrüßungsgeld. Von „Szene“ bis „postfaktisch“. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, pp. 65–66.

Reiher 1996 – Reiher R. (1996) Ein Ossi – ein Wort; ein Wessi – ein Wörterbuch. Zur Bewertung von Sprache und Sprachverhalten der Deutschen Ost und West. In: Reiher P. & Kramer U. (eds.) *Von 'Buschzulage' und 'Ossi-Wessi-Nachweis': Ost-West-Deutsch in der Diskussion*. Berlin. S. 32–54.

Shethar, Hartung 1998 – Shethar A., Hartung W. (1998) Wast «Ossijammer» wirklich? Diskursideologie und die Konstruktion deutsch-deutscher Interkulturalität // *Sprache als Mittel von Identifikation und Distanzierung*. Frankfurt am Mein, pp. 39–66.

- Thiess 2017 – *Thiess C.* (2017) Trabi. Von „Szene“ bis „postfaktisch“. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, S. 360–361.
- Wörter, die Geschichte machten, 2001 – *Wörter, die Geschichte machten*. Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts. Gesellschaft für deutsche Sprache (Herausgeber). München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 224 S.
- Abramova 2018 – *Abramova E.I.* The Word of the Year: Principles of Selection and Approaches to Research. *Foreign Languages in Tertiary Education*, no. 2 (45), pp. 7–13. Available at: <https://fjournal.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/2018/09/ИЯВВШ-№-245-для-РИНЦ.pdf>. (In Russ.)
- Baranova, Mishina 2021 – *Baranova L.L., Mishina L.F.* (2021) Verbal reflection of the concept «insularity» as part of the British conceptual worldview (based on the material of «The Economist»). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 112–121. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-112-121>. (In Russ.)
- Boldyrev 2004 – *Boldyrev N.N.* (2004) The conceptual space of cognitive linguistics. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1, pp. 18–37. Available at: https://studylib.ru/doc/2612526/konceptual._noe-prostranstvo-kognitivnoj-lingvistiki. (In Russ.)
- History of Germany 2008 – *Bonvech B., Galaktionov Yu.V.* (Eds.) (2008) *History of Germany*: textbook: in 3 vols. Moscow: KDU, Vol. 2: Betmakaev A.M., Byalikova T.A., Galaktionov Yu.V. [et al.] From the creation of the German Empire up to the beginning of the XXI century; Galaktionov Y.V. (Ed.); compiler of reference apparatus Mit' A.A., 672 p. Available at: [https://prussia.online/Data/Book/is/istoriya-germanii-3-2/История%20Германии.%20Т.%20%20\(2008\),%20OCR.pdf](https://prussia.online/Data/Book/is/istoriya-germanii-3-2/История%20Германии.%20Т.%20%20(2008),%20OCR.pdf). (In Russ.)
- Konareva 2007 – *Konareva N.N.* (2007) Associative-semantic field of the concept LOVE in the poetic discourse of M. Tsvetaeva. In: *Slavic languages and culture. Language. Culture. Communication: materials of the International scientific conference*. (Tula, May 17–19, 2007.). Tula. Available at: <http://www.geokorolev.ru/download/museum-cvetaeva-chtenia-2005-konareva.pdf>. (In Russ.)
- Melnik 2017 – *Melnik Ju.A.* (2017) Alarming agenda: key words of the year reflected in socio-linguistic projects. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109*, pp. 34–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-markery-noveyshego-vremeni-na-materiale-sotsiolingvisticheskikh-proektov-slovo-goda/viewer>. (In Russ.)
- Mysochenko 2005 – *Mysochenko I.Yu.* (2005) Linguistic view of the world. Conceptual analysis. In: *Problems of reality conceptualization and modeling the linguistic view of the world: collection of scientific papers. Issue 2*. Arkhangelsk: Pomorskii universitet, pp. 157–162. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23123627>. EDN: <https://elibrary.ru/tmajmr>. (In Russ.)
- Nefedova 2021 – *Nefedova L.A.* (2021) On Discourse Markedness of the Coronavirus Pandemic Vocabulary (in the German Language). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, issue 3 (845), pp. 185–196. DOI: http://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_3_845_185. Available at: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/3_845_H.pdf. (In Russ.)
- Popova, Sternin 2007 – *Popova Z.D., Sternin I.A.* (2007) Cognitive linguistics. Moscow, 314 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Kognitivnaja_lingvistika_2007.pdf?ysclid=lto0eaziao6904717107. (In Russ.)
- Postnikova 2014 – *Postnikova A.A.* (2014) Precedents of the Napoleonic era in communicative memory of contemporary France: from "Austerlitz" to "bistro". *Political Linguistics*, no. 3 (49), pp. 216–223. Available at: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/838/1/plin-2014-03-27.pdf?ysclid=lto0i9jfbz406731070>. (In Russ.)
- Prokhorov 2009 – *Prokhorov Y.E.* (2009) Reality. Text. Discourse. Moscow: Flinta: Nauka, 224 p. Available at: <https://klex.ru/ta0?ysclid=lto0rw1m23269959372>. (In Russ.)
- Slyshkin 2000 – *Slyshkin G.G.* (2000) From text to symbol: Linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moscow, 288 p. Available at: <https://klex.ru/1je9?ysclid=lto0x1r6tw737759241>. (In Russ.)
- Toshchenko 2000 – *Toshchenko Zh.T.* (2000) Historical consciousness and historical memory: analysis of current state. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 3–14. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>. (In Russ.)
- Troshina 2015 – *Troshina N.N.* (2015) The role of the conceptual pillars of the discourse in social perception forming (on the example of the concept «BERLIN WALL»). *Human Being: Image and Essence. Humanitarian aspect*, pp. 248–255. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kontseptualnyh-opor-diskursa-v-formirovanii-sotsialnoy-pertseptsii-na-primere-kontseptya-berlinskaya-stena/viewer>. (In Russ.)
- Tumanova 2022 – *Tumanova E.O.* (2022) The concept of the GDR in modern virtual German-language communication (based on the material of the social network «Instagram»). *Modern Science: actual problems of theory and practice, a series of «Humanities»*, no. 3–3, pp. 163–168. DOI: <http://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.03-3.33>. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48530455>. EDN: <https://elibrary.ru/fiicto>. (In Russ.)
- Tumanova 2015 – *Tumanova E.O.* (2015) Aphorism as speech genre: stages of formation and development (by the material of the German language). *Philology. Theory & Practice*, no. 1 (43): in 2 parts, part I, pp. 175–179. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2015_1-1_47.pdf. (In Russ.)
- Chudinov 2006 – *Chudinov A.P.* (2006) Political linguistics. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. Available at: <https://discourseworld.ru/upload/iblock/efd/efd3c96f02282af9d3e9db0bfefc68f6.pdf?ysclid=lto21fwkfb393335580>. (In Russ.)
- Shisterov 2014 – *Shisterov M.V.* (2014) Breve et efficax per exempla: myth, memory, history... *Ural Historical Journal*, 2014, no. 4 (45), pp. 6–14. Available at: [http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_4\(45_2014_Shisterov_2.pdf?ysclid=lto24z51hi77150467](http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_4(45_2014_Shisterov_2.pdf?ysclid=lto24z51hi77150467). (In Russ.)